

НИКИТА КЛИМОВ

Колыбельная
для
ЗИМНЕГО КНЯЗЯ

Её голос растапливает лёд. Его касание убивает.

Никита Климов

Колыбельная для Зимнего Князя

«Автор»

2026

Климов Н. А.

Колыбельная для Зимнего Князя / Н. А. Климов — «Автор»,
2026

Семьдесят лет в северном княжестве Белояр не кончается зима. Раз в семь лет в Белый терем Зимнего князя увозят невесту — и ни одна не вернулась. Когда жребий падает на младшую сестру, девятнадцатилетняя Ясна едет вместо неё. Князь Северин холоден, язвителен и проклят: его касание превращает живое в лёд. В его тереме три правила — не касаться его, не входить в Северную башню и никогда не петь. Но Ясна хранит тайну, которую мать запрещала ей открывать: от её голоса тает иней. До Купальской ночи, когда на Чёрном озере ляжет ледяная тропа и древняя Зимняя Владычица придёт за своей невестой, — тридцать четыре дня. Хватит ли их, чтобы растопить чужое сердце — и не потерять своё? И чего будет стоить колыбельная, последний куплет которой поют лишь однажды?

© Климов Н. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Никита Климов

Колыбельная для Зимнего Князя

*Голос — это дверь. Не открывай её чужим.
Злата, мать Ясны*

Пролог

Северин. Семь лет назад

Ночь, когда должно быть лето, пахла снегом.

Я стоял на берегу Чёрного озера, по щиколотку в сугробе, и смотрел, как над водой поднимается пар. Вода не замерзала никогда — ни в лютый январь, ни в нашем бесконечном мае, ни сейчас, в Купальскую ночь, когда где-то далеко на юге девушки пускали по рекам венки и прыгали через костры. Здесь костров не жгли. Здесь не было ничего, что могло бы гореть, кроме факелов в руках моих стражников, — и те трещали, оплывали, гасли один за другим, будто воздух сам выпивал из них огонь.

Посреди озера, в двухстах шагах от берега, торчал из чёрной воды камень. Белый, гладкий, плоский, похожий на стол, который накрыли скатертью из инея. К нему вела узкая ледяная тропа — единственный лёд на всём озере. Он появлялся раз в семь лет, в эту самую ночь, и исчезал к рассвету.

Мне было шестнадцать. Я стал князем четыре месяца назад.

— Пора, княже, — сказал за моей спиной Ратибор. Голос у него был хриплый, простуженный. Он не смотрел на меня. Он смотрел на сани, которые стояли чуть поодаль, у кромки леса. В санях, укутанная в белый мех по самые глаза, сидела девушка.

Её звали Велена. Ей было восемнадцать. Её привезли из деревни Сосновка, что на Медвежьей реке, три недели назад — по жребию, как привозили до неё девять других. Девять за семьдесят лет. Девять девушек, которые вот так же сидели в санях на этом берегу, укутанные в белый мех, и смотрели на ледяную тропу. И шли по ней к камню. И не возвращались.

Я знал их имена. Все девять. Они были записаны в книге, которая лежала в Северной башне, и я выучил их наизусть в ту ночь, когда отец умер у меня на руках, а лёд впервые шевельнулся у меня в груди.

— Княже, — повторил Ратибор.

— Я слышу.

Я снял перчатку с правой руки.

Ратибор вздрогнул. Стражники за его спиной отступили на шаг. Факелы затрещали. Я поднял руку и посмотрел на неё — бледную, с синеватыми ногтями, с тонким узором инея, который тут же начал расплзаться по коже от запястья к пальцам, как трещины по весеннему льду. Я давно перестал чувствовать холод. Холод был во мне. Он тикал у меня под рёбрами — ровно, мерно, как часы, — и с каждым ударом становился чуть больше.

Я наклонился и коснулся снега.

Снег под моими пальцами вздыбился, затрещал, поднялся — и стал фигурой. Тонкой, хрупкой, в рост человека. С длинной косой, с опущенными плечами, в белом меховом плаще, который я тут же накинул на неё. Ледяная девушка. Пустая внутри. Холодная, как всё, к чему я прикасался.

Отец научил меня этому перед смертью. Он сказал: «Мара голодна, но она слепа. Она не видит лиц. Она чувствует только тепло — или холод. Дай ей холод, похожий на девушку, — и

она возьмёт его в темноте. Не сразу поймёт». — «А когда поймёт?» — спросил я. Отец долго молчал. Лёд уже дошёл ему до горла. «Тогда она придёт за тобой, сын. Как пришла за мной».

Я натянул перчатку обратно. Повернулся к саням.

— Велена.

Девушка подняла на меня глаза. Карие, тёплые, мокрые от слёз. Она боялась меня. Все боялись меня — даже Ратибор, который носил меня на плечах, когда я был маленьким. Я привык.

— Ты поедешь с Ратибором, — сказал я. — Сейчас. Не оглядывайся. Через месяц будешь в Полуденье. Там тепло. Там растут яблоки. Тебе дадут дом и денег на первое время. Ты никогда не вернёшься на север. Никогда не напишешь домой. Твои родные будут думать, что ты умерла. Так нужно. Иначе Мара узнает.

Она смотрела на меня, не понимая.

— Вы... вы меня отпускаете?

— Да.

— Но... а она? — Велена кивнула на ледяную фигуру в белом плаще. — Это... это вместо меня?

— Да.

Велена долго молчала. Потом выбралась из саней, путаясь в мехах, и вдруг шагнула ко мне — так быстро, что я не успел отступить. Протянула руку.

— Не трогай! — Я отдёргнул руку за спину.

Она замерла. Посмотрела на мою руку в чёрной перчатке. Потом — на меня.

— Спасибо, — сказала она тихо. — Княже. Я никогда не забуду.

— Забудь, — сказал я. — Так будет лучше.

Ратибор усадил её обратно в сани, хлестнул лошадей, и сани скрылись в лесу — без факелов, в темноте, по тропе, которую он знал наизусть. Я остался на берегу с ледяной девушкой и тремя стражниками, которые не смели поднять на меня глаза.

— Уходите, — сказал я им. — Дальше я сам.

Они ушли. Я остался один.

* * *

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.